

ЭКСТАЗ И АСКЕЗА

В современной антропологии, несмотря на все новшества последних десятилетий, весьма ограничены категорический аппарат и методологический инструментарий, в своей основе полученные нами в наследство от эпохи Просвещения. Необходимо их расширение, обогащение, обращение к большому разнообразию традиционного наследия, архаического опыта. Кроме эвристического богатства мифологических и религиозных образов и символов существенным представляется их онтологическая укорененность, многовековая проверка опытом, практикой.

И хотя сейчас модно обращаться ко всяким экзотическим учениям и архаическим практикам, сделан только первый шаг и еще остается нераскрытым и не востребуемым огромный потенциал. В этом смысле представляется весьма перспективным анализ экстатических и аскетических техник, которые присутствуют во всех традиционных учениях и практиках. Эта пара понятий задает определенную систему координат, систему ценностей, в которую вписываются многие феномены человеческого бытия как в архаических и традиционных обществах, так и в современной цивилизации, хотя это и менее очевидно.

Также следует обратить внимание на узкий, очень избирательный подход к традиции современными учеными и адептами различных учений и культов. Преобладает не изучение религий как они есть, изнутри, целиком, а выхватывание отдельных элементов, частей, если их можно приспособить

к современному образу мышления и образу жизни. Например, в традиции экстаз и аскетика дополняли друг друга, были в некотором равновесии, а современная цивилизация, с одной стороны, всячески стимулирует экстатические практики, а с другой стороны, отрицает, всеми способами избегает аскетических практик и изгоняет их и из опыта, и даже из сознания. Современную эпоху можно охарактеризовать как «бегство от аскезы, бегство в экстаз». Из этого вытекают далеко идущие следствия.

Каждая культура, нация, религия имеют свои специфические представления об устройстве мироздания, о загробном мире и совершенном бытии. В основе всех мировоззренческих установок лежат явные или скрытые представления о сакральном, священном, божественном. Любая религиозная система предлагает своим адептам некий духовный опыт, формы его осмысления и методы его получения. Можно говорить о различных сакральных стратегиях, под которыми мы будем понимать выбор человеком некоторой онтологической схемы, метафизической позиции, модели человека в контексте священного, а также их утверждение и воплощение.

Важное место в сакральных стратегиях занимает телесный опыт, который выражается в таких модусах человеческого бытия, как опьянение, сексуальность, боль, насилие и смерть. Во всем многообразии сакральных стратегий можно выделить две группы — экстатические и аскетические стратегии. Первые соответствуют мифологическому мышлению, архаическим представлениям. Вторые возникают в процессе развития религиозных систем и мистических практик.

Тело занимает важное место в мифе. Все, что происходит с героем во всей полноте, задействует его телесность. Это может быть расчленение тела бога или первопредка при первом жертвоприношении во времена творения мира или манипуляции с телом посвящаемого при шаманской инициации. Часто упоминаются превращения героя в тела других существ,

уменьшение и увеличение его тела. Предельное напряжение характерно для тела во время путешествия, испытаний и подвигов героя, и особенно в битве. Боль и насилие постоянно присутствуют в мифе как само собой разумеющееся. Телесность человека проявляется с максимальной интенсивностью.

Но всё это является лишь условием преобразования героя, его смерти и последующего воскрешения, обретения своей истинной природы и выполнения своего долга. Телесность сама по себе ничего не значит и ничего не решает. Она обретает свое значение и свое место только в контексте целостного опыта, цельного мировоззрения, единого процесса человеческого бытия. Вследствие специфики архаического мышления в мифе психологическая составляющая духовного опыта нивелируется, редуцируется до телесных феноменов, в которых и через которые выражается жизнь духа.

Вообще, в мифе и ритуале большое значение придается человеческому телу. Прежде всего, это коллективное тело, единое тело, одно общее тело, причем общее между людьми и божеством. Это первотело, тело первочеловека, тотальное тело, из частей которого был создан мир, тело-жертва. Все части человеческого тела приобретают символическое значение, уподобляются священным сущностям и стихиям. Человек, пребывающий в мифе, отождествляет себя с героем мифа и повторяет ту же схему, воплощает данную сакральную стратегию. Причем физические испытания могут быть частично или полностью заменены символическими формами, хотя посвящаемый получает опыт священного во всей полноте.

Тогда акцент переносится на переживание уже полученного сакрального опыта, что воплощается в празднике. В мифе сакральное всегда пребывает рядом с человеком. В празднике человек постоянно возвращается в священное время, в совершенное первоначальное состояние. И вновь

телесность оказывается в центре. Праздник задействует почти все модусы тела: танец, опьянение, сексуальность, наркотики, а также прямое или символическое насилие. Одной из основных задач праздника является достижение экстатического состояния, при котором телесные и чувственные переживания достигают максимума, предела. Празднику и вообще архаическому мышлению свойственен «телесный максимализм», когда все состояния и феномены человеческого бытия, события судьбы и весь духовный опыт переживаются через призму телесности.

И действительно, телесность в некотором смысле первична, через нее человек укоренен в бытии. Телесный опыт наиболее достоверен, объективен, проверяем. И подлинное переживание сакрального, которое охватывает человека целиком, всегда обнаруживается и на уровне телесности, мощно проявляется в телесных феноменах. Однако есть возможность ошибки, опасность перепутать следствие и причину, соблазн принять физиологические ощущения, возникающие в результате реального духовного процесса, за самостоятельные феномены.

На это обращается особое внимание в религиозных и мистических системах, где тело предстает как инструмент для достижения цели спасения и обожения всего существа человека. Этот инструмент сам еще нуждается в настройке. Поэтому тело должно стать управляемым, дисциплинированным, чего можно добиться, если свести к минимуму его собственные потребности. Посредством поста, воздержания, молчания, путем ограничения чувственных впечатлений в келье, пещере или пустыне монах подготавливает свое тело к внутренней трансформации, к преобразению, к принятию благодати Духа Святого.

Это телесный минимализм в том смысле, что человек избавляется от случайных, произвольных, спонтанных телесных и эмоциональных движений. Но это наивысшее из всех

возможных предназначений тела. Тело не просто средство достижения духовной цели, но оно — равноправный участник этого процесса. Тело не унижается, не уничтожается, оно становится на свое истинное место и выполняет свое высокое предназначение.

Итак, перейдем к анализу феноменов экстаза и аскезы. Это две противоположные онтологические стратегии, которые обретают свой смысл только в контексте сакрального (в смысле, обозначенном М. Элиаде)¹.

Греческое слово *ἔκστασις* (*ekstasis* = *ek* — “из”, “вне” + *stasis* — “положение”, “спокойствие”) означает смещение, нахождение вовне, пребывание вне себя. *ἔκστατικός* — сдвинутый со своего места, вне себя, восторженный, помешанный. Также экстаз — это исступление, болезненно-восторженное состояние, сумасшествие, умопомешательство. В Новом Завете экстаз понимается как изумление, восхищение, восторг. Следует обратить внимание на переход от геометрических, топологических понятий к психическим, интеллектуальным и духовным категориям.

С антропологической точки зрения экстаз — это некая экспансия человека вовне, проекция себя вовне, себя как он есть, саморасширение. Экстаз — это самоутверждение, утверждение своей сущности, своих модусов, своей силы. В религиозных терминах — это самообожествление, как бы человек ни описывал это состояние: как получение силы или слияние с божеством.

Стремясь к экстазу, человек не ищет ничего нового, неизвестного. Он хочет лишь повторения того, что уже было. А также усиления, увеличения интенсивности ощущений и чувственных удовольствий, наслаждения как такового. То, что человек знает, хочет, любит (еда, опьянение, смех, танец, секс), как можно больше, сильнее, острее. То, что зна-

¹ См.: Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. Киев, 1998.

комо, что желанно, довести до максимума, до предела, превысить меру. Экстаз возникает на грани, на границе своего и чужого, на пределе возможного, никогда не пересекая эту границу, не достигая предела, всегда оставаясь между Мое и Иное, Я и Другой.

Однако этот процесс теряет свой смысл, и происходит это по двум причинам. Во-первых, экстаз — это вечное повторение, не дающее подлинного удовлетворения, утоления желания, насыщения. Его требуется повторять еще и еще, и никогда не будет последнего раза, так как состояния экстаза могут отличаться друг от друга только количественно, и не происходит никаких качественных, необратимых изменений. Совершается движение по кругу, в замкнутом времени.

Во-вторых, это бесконечное увеличение — процесс, не имеющий конца, завершения, исполнения. Нет точки, где достигается полнота, целостность и совершенство. А так как человеческое тело и психика не могут выдержать чрезмерного возрастания интенсивности энергии и чувств, то этот процесс может закончиться только саморазрушением и гибелью человека. Поэтому экстаз не может быть самоцелью, имманентное не должно становиться тотальным.

Еще в экстазе у человека происходит временная потеря самосознания, самоконтроля. Бессознательное освобождается и прорывается на поверхность. Иногда экстаз понимается так, как будто в человека входит внешняя (высшая?) сила. Экстаз дает ощущение энергии, силы, мощи, всемогущества. Однако при этом внешняя воля управляет человеком, которому ничего не остается, только как отдаться, подчиниться этой силе. В экстазе человек забывается, забывает себя, и его личность стирается потоком энергии, растворяется в волне наслаждения и поглощается безличным началом.

Кажется, что происходит стирание границ между человеком и миром. И человек соединяется, сливается с космосом,

с Богом. Однако при экстазе всего лишь телесность преодолевает сознание, энергия осиливает смысл, физиология одерживает победу над мышлением, физическое начало одолевает духовное, природное побеждает субъективное, материальное овладевает идеальным. В экстазе человек ничего не обретает, происходит лишь растрата, подмена, потеря части себя, причем наиболее существенной.

Человек жаждет совершенства, желает расширить свои границы, стремится к пределу, торопится совершить прорыв и попадает в ловушку, оказывается в плену своих ощущений. Чувственность подавляет разумность, удовольствие заменяет бытие, истину и красоту. Тело замыкается само на себя и не хочет знать ничего иного, никого другого, не нуждается ни в чем, кроме постоянной возбужденности. Телесность и психика отдаются стихии, погружаются в хаос, проваливаются в небытие, происходит самоуничтожение личности.

Экстаз больше похож на вызов, дерзость, бунт, имеет много общего с преступлением. И поэтому существует какая-то внутренняя связь экстаза с наказанием, изначально подразумевается некое возмездие. Приближаясь к экстазу, человек уже заранее ожидает кары, готовится к расплате, но надеется, что всё обойдется, он сможет прорваться на вершину, где станет неуязвим. Фактически экстатик отрицает существование субъектов, личностей больше себя, выше себя. Он не нуждается в личностном абсолюте, в Боге. Он утверждает свое Я несмотря ни на что, но заканчивается это потерей личности, ее полным растворением, абсолютной поглощенностью чем-либо безличным, нечеловеческим.

К тому же в отличие от архаических, традиционных экстатических практик, где экстаз был тесно связан с инициациями, подвигами, битвами, опасностью и риском, преодолением страха и боли, современный экстаз (бары и ночные клубы, популярная музыка и танцы, удовольствие от покупок или туристических поездок) какой-то безопасный, безболезнен-

ный, нестрашный. Утрачивается всякая привязка к бытию, к реальности, к космическим энергиям и стихиям, что было характерно для архаических техник экстаза.

Таким образом, экстаз по большому счету ничего не меняет и ничего не решает. Он создает иллюзию становления и возрастания, силы и энергии, власти и могущества, смешивает процесс и цель, подменяет вечное текущим, путает внутреннее ощущение и реальность.

В противоположность экстазу аскеза — это самоограничение человека. Ограничение и отсечение всего лишнего, случайного, условного и относительного и утверждение всего абсолютного, вечного, богоподобного. Аскеза есть самособирание, собирание себя в центр. Техники, которые использует аскет, во всем противоположны экстатическим. Вместо танцев, объедения и опьянения, обнаженности и сексуальности, сна — стояние в молитве, пост и трезвость, покрытость тела и половое воздержание, бдение. Если экстаз — это проекция себя вовне, навязывание себя, такого как есть, окружающему миру, то аскеза — это проекция высшего начала на себя, изменение себя в соответствии с образом, с идеалом. Аскеза есть участие человека в подлинном, истинном бытии, в вечной, совершенной божественной жизни.

Греческое слово *ασκησις* (от *ασκειω* — «упражнять») означает упражняться в чем-либо, упражнять, приучать тело (Геродот, Фукидид), а также упражнения ума и воли (софисты)². Причем имеется в виду техника телесных и ментальных упражнений, средство для достижения не только физического совершенства, но и этических, духовных, мистических целей. Аскеза включает в себя как физическое самоограничение, так и управление чувствами, чувственностью, воздержанность в желаниях, а также упражнение в добродетели.

² См.: Сидоров А.И. Древнехристианский аскетизм и зарождение монашества. М., 1998; Хоружий С.С. К феноменологии аскезы. М., 1998.

В аскезе происходит отбор, отсеивание сил и энергий, с которыми имеет дело человек. Не каждая энергия может приниматься. Не любая сила должна проникать внутрь. Не всякая интенсивность энергии будет приемлемой. Всё произвольное, стихийное, хаотическое должно быть упорядочено и соотнесено с системой смыслов, с иерархией ценностей, с общим предназначением человека. «В исихастской аскезе мы обнаруживаем высокоразвитый метод, который включает в себя целый ряд методик, строго регламентированных процедур организации опыта, создания его особых условий, его очищения, проверки и толкования»³. Нельзя смешивать разнородные энергии. Надо освободить место для принятия и воплощения высших смыслов.

Нужно попытаться свести к минимуму внешние воздействия, остановить поток случайных энергий, разорвать цепь причин. Необходимо сознательное, целенаправленное самоограничение, то есть проведение своих границ, определение меры, утверждение истинных пропорций, установление пределов. Все энергии и силы должны быть соотнесены с истинными смыслами, с конечными целями существования человека. Аскеза есть определение и утверждение истинного соотношения человеческого и сверхчеловеческого.

Вся деятельность человека предстает в самом широком контексте, в перспективе совершенства, спасения и обожения. «Христианская аскеза есть ревность и сила пребывать в деятельном, путем подвигов (постничества, девства, отшельничества и др.), общении с Богом, по вере в Господа нашего Иисуса Христа, при помощи благодати Божией, для обретения истинно христианской настроенности как залога к участию

³ Хоружий С.С. Насущность подвига. Феномен православной аскезы как междисциплинарная проблема // Хоружий С.С. Современные проблемы православного мирозерцания. М., 2002. URL: <http://lib.eparhiasaratov.ru/books/21h/horuzhy/problems/contents.html>.

в Царствии Небесном»⁴. Аскеза — это одновременно и желание, и возможность общения с Богом, а также условие и способ такого общения.

Для того чтобы понять смысл и цель человеческого бытия, подлинное предназначение человека, необходимо несколько дистанцироваться от наличного бытия, от эмпирической данности, от хаотического сочетания сил и энергий. Требуется остановка, прекращение спонтанных движений тела, чувств и разума. Важно не спешить, чтобы не ошибиться, не принять нечто условное, относительное за подлинное, абсолютное. Потребуется внутренняя дисциплина и ожидание, постоянное пребывание в покое и тишине, стабильное удерживание смысла своей деятельности и направления волевого усилия, твердое стояние в нужном месте антропологического пространства.

Важно постоянное участие разума, сознания, целенаправленность и целесообразность всех действий. В аскезе человек никогда не теряет самоконтроль, даже во сне не позволяет освободиться хаотическим силам бессознательного. «Основным, общим и наиболее характерным принципом православной аскетики является гньюит — ведение, разумение»⁵. Аскет сознательно и свободно избирает свой путь и методы, и для реализации целей он привлекает все свои способности, участвует всей полнотой своего существа: телом, разумом и волей. Личность человека не растворяется, не исчезает. Только как личность аскет может соотнести себя с Богом как совершенной личностью, как личностным абсолютном.

В отличие от экстаза в аскезе с человеком происходит метаморфоза, радикальное изменение, трансформация, переход в принципиально иное состояние. «Аскетическая наука

⁴ Аскетизм // Православная энциклопедия. Т. III. М., 2001. С. 593.

⁵ Зарин С.М. Аскетизм по православно-христианскому учению. М., 1996. С. 682.

о человеке предстает как динамическая и энергийная антропология: она рассматривает существование человека в подвиге как практику или процесс строго направленной аутотрансформации, которую человек производит над совокупностью, или конфигурацией, всех своих энергий, духовных, душевных и телесных»⁶. В аскезе совершается необратимое преобразование, преображение всего существа человека, превосхождение человеческой природы, трансцендирование.

Аскет ищет и получает нечто новое, неизвестное в тварном мире, нечто принципиально иное, непостижимое. Аскеза — это радикальный отказ от мира сего, его благ и законов. Аскет становится гражданином другого мира, подданным Небесного Царства. Аскетизм — это однозначный выбор в пользу сакрального, это утверждение реальности трансцендентного и его тотальности. Аскеза — это не только ожидание проявления сакрального, явления божественного, теофании. Но в аскезе человек отдается, доверяется сакральному, абсолютному, трансцендентному и приобщается к нему. Через аскета действует потаенное и сокровенное божественное начало. Если есть хоть один настоящий аскет, значит, возможно любое чудо.

Однако результат аскезы зависит не только от желания и воли аскета. Человек нуждается в благодатной помощи. «Собственными энергиями человека нельзя достичь того, к чему устремляется подвиг, “превосхождения естества” и обожения. В восхождении к обожению, к онтологической границе человеческого существования совершающая сила принадлежит Божественной энергии, благодати, с которой человек лишь сообразует свои тварные

⁶ Хоружий С.С. Православно-аскетическая антропология и кризис современного человека // Хоружий С.С. Современные проблемы православного мирозерцания. М., 2002. URL: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/21h/horuzhy/problems/contents.html>.

энергии в синергии»⁷. Человек принимает участие в едином богочеловеческом процессе преображения тварной человеческой природы и соединении по энергиям человека и Бога.

Человек получает не плату за труд и не награду за подвиг. Аскет сам себя приносит в дар Богу и получает божественные дары. Аскеза — это жертва, самопожертвование, жертвоприношение, где аскет одновременно играет роли и жреца, и жертвы. Аскет умирает еще при жизни, а значит, он воскресает раньше смерти. В аскетизме совмещаются символическая смерть и воскрешение, смерть человека ветхого и рождение человека нового. Смерть для мира сего, грешного и тленного; рождение в бессмертие, в невечерний свет, в безмерную любовь.

Таким образом, в христианской аскезе тело не отвергается, не унижается, а участвует в целостном сотериологическом процессе. Если экстаз — это попытка раскрыть весь потенциал, использовать все возможности человека, то аскеза — это нечто большее, а именно — исцеление человеческой природы, ее исправление, преобразование и превосхождение, приобщение к источнику истины и блага, вечного и бесконечного бытия.

Экстаз и аскеза — не просто различные телесные и духовные практики, это разные стратегии, которые основываются на взаимоисключающих принципах, противоположных онтологиях, метафизиках. Практики экстаза тесно связаны с теориями эманации, то есть происхождения мира и человека путем изливания божеством себя вовне. Отсюда следует изначальное совершенство, полнота, самодостаточность и даже божественность человека. Аскетизм непосредственно связан с теорией креационизма, то есть творения Богом мира из ничего. Отсюда следует неполнота человека, которая, однако, может быть восполнена по воле Божией.

⁷ Там же.

В экстазе человек желает сам стать божеством, по своей воле овладеть всем, что ему не принадлежит, присвоить себе божественный статус. В аскезе человек принимает Бога и доверяется ему, а затем уподобляется Богу и приобщается к божественному бытию. Аскеза — это пребывание в общении с Богом, причем в деятельном общении. Аскеза — длительный процесс, но, в отличие от экстаза, он имеет завершение, задача исполняется, преображение свершается. И тело человека станет совершенным и будет участвовать в воскрешении мертвых и в жизни будущего века.

РАЗДЕЛ VIII ПСИХОЛОГИЯ